

Василевский Александр Михайлович

Дело всей жизни

На Дальнем Востоке

Постоянная угроза на Дальнем Востоке.— Исполняя союзнический долг.— Квантунская армия.— Наше решение.— Подготовка кампании.— «9 августа начать боевые действия...» —Блестящая победа.

Заключительным этапом второй мировой войны явилась кампания советских войск на Дальнем Востоке. На далекой «нашенской» земле Азиатского континента была поставлена последняя точка в истории крупнейшей войны в защиту Советской Родины. В этой [505] знаменательной кампании Вооруженных Сил пришлось принять участие и мне.

В ходе военных действий против японских милитаристов я впервые близко познакомился с суровым и по-своему прекрасным Дальним Востоком. Моя военная биография складывалась так, что в довоенные годы я не служил в войсках Дальнего Востока. Мне приходилось работать преимущественно в частях, расположенных в центральных областях России. А когда перешел в Генеральный штаб, моей компетенцией стали вопросы безопасности страны на Западном направлении.

Став начальником Генерального штаба, я, естественно, вплотную и практически столкнулся с театром возможной войны на Азиатском континенте, с проблемами укрепления боевой готовности советских войск на рубежах с нашим агрессивным восточным соседом. Но это все же было еще «заочное» знакомство с Дальневосточным краем нашего социалистического Отечества.

То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И. В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии.

Но для вступления в войну с Японией у нас имелись и свои жизненные интересы. Японские милитаристы многие годы вынашивали планы захвата

советского Дальнего Востока. Они почти постоянно устраивали военные провокации на наших границах. На своих стратегических плацдармах в Маньчжурии они держали крупные военные силы, готовые к нападению на Страну Советов. Ситуация особенно обострилась, когда фашистская Германия развязала разбойничью войну против нашей Родины. Для борьбы с агрессором нам до зарезу нужна была каждая свежая дивизия, а мы держали и не могли не держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности. Япония лишь выжидала момента для развязывания войны против Советского Союза.

И. В. Сталин повседневно интересовался всеми сведениями о действиях нашего восточного соседа и требовал от Генерального штаба самых подробных докладов на сей счет. Мы видели, что даже тогда, когда Япония втянулась в войну с США и Англией на Тихом океане и стала терпеть поражения, перешла к оборонительной стратегии, ее руководители не сделали ни единого практического шага к сокращению своих войск в Маньчжурии и Корее. [506]

Ликвидация очага войны на Дальнем Востоке являлась для нас делом государственной и общенациональной важности.

Союзники признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии. Они заявляли, что только Красная Армия способна нанести поражение наземным силам японских милитаристов.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы» — такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур. Ссылаясь на то, что США и их западные союзники не располагали возможностями для этого, он требовал в канун Крымской конференции союзников от своего правительства «приложить все усилия к тому, чтобы добиться вступления в войну Советского Союза»{118}. В специальном меморандуме Объединенного комитета начальников штабов от 23 декабря 1944 года отмечалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане».

Принимавший участие в работе Ялтинской конференции бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллион солдат».

В связи с этим американская и английская делегации прибыли на Крымскую конференцию с твердым намерением добиваться согласия Советского Союза на вступление в войну против Японии. Как сообщил мне потом А. И. Антонов, участвовавший в работе конференции, Рузвельт и Черчилль настойчиво требовали скорейшего вступления СССР в войну. В итоге обсуждений было

подписано 11 февраля 1945 года Соглашение трех держав, в котором говорилось: «Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников»{119}.

Для нашей делегации такой срок не был неожиданностью. Еще готовясь к поездке в Крым, И. В. Сталин предложил мне и А. И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения [507] времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии. Обсудив этот вопрос вместе с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым, мы пришли к выводу, что срок может быть сокращен до двух-трех месяцев после окончания войны на западе, если отказаться от перевозок по железной дороге войскового автотранспорта. Разрешение проблемы было найдено на самой конференции. Руководители США охотно согласились поставить нам в дальневосточные порты не только потребное для нас количество автотранспорта, но и паровозов.

После Ялтинской конференции подготовка к войне с Японией в Ставке Верховного Главнокомандования и особенно в Генеральном штабе заметно активизировалась.

Еще ранее, 25 апреля 1943 года, командующим войсками Дальневосточного фронта был назначен мой хороший товарищ, друг и старый сослуживец по 48-й Тверской стрелковой дивизии генерал-полковник М. А. Пуркаев. Он сменил там генерала армии И. Р. Апанасенко, которого Ставка направила стажироваться на Воронежский фронт в должности заместителя командующего фронтом. Иосиф Родионович Апанасенко, известный как герой гражданской войны, погиб в 1943 году во время Белгородско-Харьковской операции.

В июне 1943 года заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майор Н. А. Ломов был переведен в Оперативное управление Генштаба на должность заместителя начальника управления и начальника дальневосточного направления, а на его место был назначен из Генштаба генерал-майор Ф. И. Шевченко.

В марте — апреле 1945 года мы приняли меры к тому, чтобы обновить вооружение и материальную часть в войсках Дальнего Востока. Туда направлялось 670 танков Т-34 и много другой боевой техники.

Как только закончилась Восточнопрусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией. Правда, первые числа мая и день победы над фашизмом застали меня в Прибалтике, куда я ездил по заданию Ставки. 10 мая я вернулся в Москву. Генеральный штаб в то время вплотную занимался дальневосточным театром войны. А. И. Антонов, С. М. Штеменко и Н. А. Ломов уже многое успели сделать. Первоначальные расчеты сосредоточения наших войск в Приамурье, Приморье

и Забайкалье были вчерне сделаны еще осенью 1944 года. Тогда же были произведены примерные расчеты на материальные ресурсы, требующиеся для ведения войны на Дальнем Востоке. Но до Ялтинской конференции [508] никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось.

Замысел плана этой крупнейшей по размаху операции был определен с учетом характера театра предстоящих военных действий. Война должна была развернуться на территории площадью около 1,5 млн. кв. км и на глубину 200—800 км, а также на акватории Японского и Охотского морей. План заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассечения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии.

Успешное претворение в жизнь этого замысла в значительной степени зависело от правильного выбора направлений главных ударов и определения количества и состава сил для них. В ходе разработки плана операции был рассмотрен ряд вариантов. Выбор направлений был обусловлен не только принятой формой ведения наступательной стратегической операции, но и своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны.

Мы учитывали, что Квантунская армия за лето 1945 года удвоила свои силы. Японское командование держало в Маньчжурии и Корее две трети своих танков, половину артиллерии и отборные императорские дивизии. Квантунскую армию возглавляли командующий — опытный японский генерал армии О. Ямада — и начальник штаба генерал-лейтенант Х. Хата, который ранее был военным атташе в Советском Союзе. К началу войны против нашей страны японская армия на Дальнем Востоке вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1200 тыс. человек. В ее состав входили три фронта: 1-й Восточно-Маньчжурский фронт, развернутый вдоль границ нашего Приморья (5-я армия генерал-лейтенанта Симидзу и 3-я армия генерал-лейтенанта Суроками — всего десять пехотных дивизий и одна пехотная бригада); 3-й Западно-Маньчжурский фронт, предназначенный для действий на монголо-маньчжурском направлении (44-я армия генерал-лейтенанта Хонго и 30-я армия генерал-лейтенанта Яда — всего девять пехотных дивизий, три пехотные и две танковые бригады); 17-й (Корейский), располагавшийся в Корее и с 10 августа оперативно подчиненный командующему Квантунской армии (34-я и 58-я армии — всего девять пехотных дивизий и пять пехотных бригад); 4-я отдельная армия генерал-лейтенанта Уэмура, состоявшая из трех пехотных дивизий и четырех пехотных бригад, предназначавшаяся для действий на северо-восточных границах Маньчжурии. На Южном Сахалине и Курильских островах были развернуты части сил 5-го фронта в [509] составе трех пехотных дивизий, одной пехотной бригады и отдельных пехотного и танкового полков. С

воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я воздушная, а Корею—5-я воздушная армии.

На территории Маньчжурии в распоряжении японского командования находились армии Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и Суйюанская армейская группа, которые насчитывали восемь пехотных и семь кавалерийских дивизий, четырнадцать пехотных и кавалерийских бригад.

Японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность, производившую в основном все необходимое для их жизни и боевой деятельности. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок — всего более 400 аэродромных точек, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

В Маньчжурии по границам с нами и Монгольской Народной Республикой японские милитаристы создали 17 укрепленных районов, из них 8 — на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район занимал 50—100 км по фронту и до 50 км в глубину. Их предназначение — не только усиление обороны, но и создание более выгодных условий для сосредоточения и развертывания войск. Линия пограничных укрепленных районов состояла из трех позиций.

Четыре укрепленных района были построены в Корее и один против Северного Сахалина. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

Политические и военные руководители, как стало потом известно, в то время считали своей задачей, во-первых, не допустить высадки американских войск на Японские острова и, во-вторых, надежно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Отвергнув Потсдамскую декларацию, Япония решила продолжать войну. В этом решении она опиралась на сильную сухопутную армию и мощную военную промышленность.

Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья — территории МНР — в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель — вывести главную группировку советских [510] войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда, на пути наступления советских войск этой группы до выхода их в

центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта. После соединения здесь войска этого и Забайкальского фронтов должны были развивать наступление в направлении на Мукден, Порт-Артур. Им предстояло прорвать полосу японских укрепленных районов; для этого они должны были иметь все необходимые силы и средства. Указанные направления обеспечивали полное окружение главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приамурье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях.

Ставка Верховного Главнокомандования стремилась претворить в жизнь свои замыслы путем последовательного решения следующих задач. Во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести силы трех взаимодействующих фронтов на рубежи, с которых можно было бы развить наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступавших войск на линию Чифын, Шэньян, Чанчунь, Харбин, Цилинь, Яньцзи, что должно было привести стратегическую группировку противника к поражению и освобождению советскими войсками всей территории Северо-Восточного Китая.

Принимая такое решение, Ставка и Генеральный штаб знали, что оба Дальневосточных фронта не имели достаточных сил для разгрома японских войск и скорейшего окончания войны. Поэтому в срочном порядке была проведена стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток.

Пришлось много поработать над планом перевозок, который по своим вырисовавшимся показателям был поистине грандиозным. Предстояло осуществить эти перевозки по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния — от 9 тыс. до 12 тыс. км. В этом отношении они не [511] имели себе равных в истории второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией.

Конкретизирую свою мысль. Только в составе трех общевойсковых и одной танковой армий, переброшенных с запада на Дальний Восток, насчитывалось 12 корпусов, или 39 дивизий и бригад. Помимо этого был переброшен ряд других соединений и частей разных родов войск и различного назначения. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем

Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое.

Но это не было простым количественным увеличением войск. Была осуществлена предусмотренная планом перегруппировка соединений и объединений, наиболее отвечающая решению задач в конкретных условиях дальневосточного театра военных действий. В зависимости от их опыта и качества определялось и их место в оперативном построении фронтов на Дальнем Востоке. Так, 5-я и 39-я армии, равно как и их командный состав, были передислоцированы из Восточной Пруссии, ибо они хорошо умели взламывать оборонительные полосы. 5-я армия предназначалась для действий на главном направлении 1-го Дальневосточного фронта. Вместе с 1-й Краснознаменной армией она должна была штурмовать укрепленную полосу Пограничного, а затем особо сильного Муданьцзянского укреплённых районов. Задачей 39-й армии, вошедшей в состав Забайкальского фронта, являлся прорыв Халун-Аршанского и — совместно с 34-й армией — Хайларского укреплённых районов.

Что касается 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, переброшенных из района Праги на Забайкальский фронт, то им надлежало успешно наступать в горно-степных условиях, вести бои на широких просторах и на отдельных направлениях.

В этой связи особого внимания заслуживает предусмотренное планом создание конно-механизированной группы советско-монгольских войск, обеспечивавшей правое крыло войск Забайкальского фронта от контрударов японских войск. Она должна была действовать на двух разобщенных направлениях: Калганском (на Чжанзякоу) и Далонорском — по безводным, пустынным степям Гоби и Внутренней Монголии.

Осуществление операции по перегруппировке было сопряжено с большими трудностями. Она проводилась в условиях строгой оперативной маскировки при мобилизации всех сил и средств Наркомата путей сообщения, и прежде всего на дорогах Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Только за четыре весенне-летних месяца (май — август) на Дальний Восток и в Забайкалье поступило около 136 тыс. вагонов с войсками и грузами, [512] а за период с апреля по сентябрь 1945 года включительно — 1692 эшелона. Из них: стрелковых объединений, соединений и частей — 502 эшелона; артиллерийских — 261, бронетанковых войск — 250 и инженерных и других частей и соединений и грузов — 679{120}.

Объем воинских железнодорожных перевозок

Месяцы 1945 г.	Характер и объем перевозок в вагонах		
	оперативные	снабженческие	итого (вагонов)
Май	14 002	9 438	23 440
Июнь	44 668	13 462	58 130

Июль	23 943	15 892	39 835
Август	2 289	12 062	14 351
Всего	84 902	50 854	135 756

О напряженности в работе железных дорог восточного направления говорят следующие цифры. Ежедневно на Забайкалье в июне проходило до 30 поездов, в июле — до 22 поездов. Следует учитывать, что помимо этого значительные перевозки велись и по внутренним железнодорожным и водным путям Дальнего Востока. Их протяженность также была относительно большой: из района Благовещенска в Приморье — до 1500 км и комбинированные марши — в 250—500 км. Их совершали около 30 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий (включая кавалерию Монгольской народно-революционной армии).

В общей сложности в мае — июле 1945 года на железнодорожных путях Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и на маршах в районах развертывания находилось до миллиона советских войск{121}.

Перевозились и перегружались десятки тысяч тонн артиллерийских орудий, танков, автомашин и многие десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования и других грузов.

Основная масса войск, прибываемых с запада в состав Забайкальского фронта, а, в том числе 39-я, 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии, должна была выгружаться в районе города Чойбалсан на территории МНР. Но однопутная железная дорога на участке Карымская — Борзя — Чойбалсан, на которую базировался Забайкальский фронт, имела небольшую пропускную [513] способность и не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Это обстоятельство увеличивало сроки сосредоточения и развертывания войск, что не отвечало замыслам Ставки Верховного Главнокомандования.

Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом, совершив марши от 600—700 км до 1000—1200 км. Из района Чойбалсана войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го еще на расстояние до 250—300 км. В целях лучшей организации переброски войск из районов выгрузки в районы сосредоточения и далее в районы развертывания штаб Забайкальского фронта выслал в Иркутск и на станцию Карымская специальные группы офицеров.

В районе Чойбалсана те и другие части соединялись и в полном составе выдвигались на рубежи развертывания. Войскам, следовавшим от Карымской своим ходом, пришлось совершать форсированные марши на расстояние от 600 до 900 км в условиях безводных степей Забайкалья и Монголии. Несмотря на эти трудности, все войска были вовремя сосредоточены и развернуты.

Для обеспечения скрытности массовых железнодорожных воинских перевозок служба ВОСО проводила следующие меры: было крайне ограничено количество лиц, допущенных к выполнению централизованных военных перевозок, а также к разработке документов, связанных с ними, станции выгрузки и обслуживания эшелонов занумеровывались; передача сводок о движении эшелонов строго контролировалась офицерами ВОСО, а телефонные переговоры по этим вопросам запрещались; на приграничных участках Дальнего Востока отдельные группы воинских эшелонов пропускались в темное время, а на Приморской железной дороге, близко расположенной к границе, ночью проводилась и разгрузка эшелонов; ряд эшелонов пропускался через узловые станции с ходу; техническое обслуживание некоторой части эшелонов осуществлялось на промежуточных станциях.

Задача обеспечения безопасности сосредоточения и развертывания прибывавших войск была возложена на приграничные укрепленные районы и часть сил полевых войск, выдвинутых к границе на заблаговременно подготовленные рубежи обороны.

Для того чтобы прикрыть приграничные и тыловые районы с воздуха силами противовоздушной обороны, были развернуты в соответствии с постановлением ГКО от 14 марта 1945 года три армии ПВО — Забайкальская, Приамурская и Приморская. [514]

В Забайкальскую и Приморскую армии ПВО, кроме того, было включено по одной истребительной авиационной дивизии. Армии ПВО являлись средством фронтового командования.

Всего к августу 1945 года Главное командование советских войск на Дальнем Востоке развернуло одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, одну танковую армию, три воздушные армии, три армии ПВО, четыре отдельных авиационных корпуса. Кроме того, оно располагало силами Тихоокеанского флота (включая Северную Тихоокеанскую флотилию), Амурской речной флотилией, а также планировало использовать в боях и пограничные отряды НКВД.

Все сосредоточенные на Дальнем Востоке войска решением Ставки были объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные.

Забайкальский фронт — командующий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник штаба генерал армии М. В. Захаров — состоял из 17-й, 36-й, 39-й и 53-й общевойсковых, 6-й гвардейской танковой, 12-й воздушной армий, армии ПВО и конно-механизированной группы советско-монгольских войск.

1-й Дальневосточный фронт — командующий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, член военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Крутиков — имел в своем составе 1-ю

Краснознаменную, 5-ю, 25-ю и 35-ю общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу, 10-й механизированный корпус, 9-ю воздушную армию и армию ПВО.

2-й Дальневосточный фронт — командующий генерал армии М. А. Пуркаев, член военного совета генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант Ф. И. Шевченко — включал в себя 2-ю Краснознаменную, 15-ю и 16-ю общевойсковые армии, 5-й отдельный стрелковый корпус, Камчатский оборонительный район (КОР), 10-ю воздушную армию и армию ПВО.

Тихоокеанский флот — командующий адмирал И. С. Юмашев, член военного совета генерал-лейтенант С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов — к началу боевых действий имел 427 боевых кораблей, в том числе: крейсеров — 2, лидер — 1, эсминцев — 12, сторожевых кораблей — 19, подводных лодок — 78, минных заградителей — 10 и 1549 самолетов. Флот базировался на Владивосток (главная база), Советскую Гавань и Петропавловск-Камчатский. В качестве вспомогательных баз служили порты Находка, Ольга, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Посьет и другие пункты морского побережья.

Краснознаменная Амурская флотилия имела в своем составе 169 боевых кораблей и более 70 самолетов. Она базировалась на [515] Хабаровск (главная база), М. Созанку на реке Зея, Сретенск на реке Шилка и озеро Ханка. С началом боевых действий флотилии были подчинены все сторожевые катера пограничной стороны на реках Амур и Уссури и мобилизованные 106 судов гражданского речного пароходства.

Непосредственное руководство Военно-Морскими Силами на Дальнем Востоке Ставка возложила на Главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Николай Герасимович — один из видных советских военно-морских деятелей. Он был командиром крейсера, нашим военно-морским атташе в республиканской Испании, командующим Тихоокеанским флотом и в годы Великой Отечественной войны наркомом ВМФ СССР.

Внимательно был рассмотрен вопрос о руководстве войсками Дальнего Востока. Учитывались и большое количество объединений, и удаленность их от столицы, и величина театра военных действий. Для того чтобы четко и бесперебойно руководить в таких условиях фронтами, директивой ГКО от 30 июля 1945 года было создано Главнокомандование советскими войсками на Дальнем Востоке, а директивой от 2 августа — и штаб Главного командования. Главнокомандующим, как было предreshено ранее, приказом Ставки от 30 июля 1945 года был назначен автор этих строк, членом военного совета — генерал-полковник И. В. Шикин, начальником штаба генерал-полковник С. П. Иванов.

В мае, июне и в первых числах июля мы в Генеральном штабе уточняли с командующими фронтами и членами военных советов план Дальневосточной

кампании. К 27 июня Генеральный штаб, исходя из принятых Ставкой стратегических решений, полностью завершил отработку директив для фронтов. 28 июня они были утверждены Ставкой.

В директиве командующему Забайкальским фронтом приказывалось: стремительным вторжением в Центральную Маньчжурию во взаимодействии с войсками Приморской группы (1-й Дальневосточный фронт.— А. В.) и Дальневосточного фронта (2-й Дальневосточный фронт.— А. В.) разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь; операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии{122}.

Директива Ставки, адресованная командующему Приморской группы войск, требовала вторжением в Центральную Маньчжурию совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного [516] фронтов разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Харбин, Чанчунь, Сейсин.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом М. А. Пуркаев обязывался активно содействовать войскам Забайкальского фронта и войскам 1-го Дальневосточного фронта К. А. Мерецкова в разгроме Квантунской армии и в овладении районом Харбин.

5 июля с документами на имя генерал-полковника Васильева я прибыл специальным поездом в Читу. Одет я был тоже в форму генерал-полковника.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования со мной приехали командующий ВВС Советской Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Советской Армии маршал артиллерии М. Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи Н. Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В. И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба.

Прежде всего я познакомился с войсками Забайкальского фронта. Вместе с Р. Я. Малиновским побывал на основных участках. Провели ряд рекогносцировок, ознакомились, насколько могли, с войсками, обсудили обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий, корпусов и командирами основных дивизий.

Должен отметить, что мое временное воинское звание не раз ставило в затруднительное положение офицеров, ранее знавших меня на фронтах в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, к примеру в 39-й армии, 6-й танковой армии и других. Когда я прибывал в часть или соединение, дежурный подавал команду; подходит для доклада, как ему было сообщено, генерал-полковнику Васильеву, а видит маршала Василевского в форме генерал-полковника. Некоторые из них стояли какое-то время в недоумении с поднятой рукой у головного убора.

Поездка по войскам Забайкальского фронта оказалась полезной. Были внесены существенные изменения в ранее принятые решения: сокращены сроки выполнения основных задач, предусмотренных директивой. Мы нашли возможным форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это планировалось, а не позднее пятого дня. Были значительно сокращены сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину. Овладение укрепленным районом Хайлар 36-й армией наметили не на двенадцатый, а на десятый день операции. В дальнейшем ей предстояло наступать на Цицикар. 53-ю армию поставили несколько правее, чем намечалось ранее,— в затылок 6-й гвардейской танковой армии — и приказали ей неотступно следовать за ней. [517]

На пять дней сократили первоначальные сроки и для войск, действовавших на правом крыле фронта, в частности для 17-й армии, которая должна была, преодолев Большой Хинган, захватить район Дабанынан. Предусматривалось также значительно сократить сроки выхода конно-механизированной группы монгольско-советских войск в районы Калгана и Долоннора. Все эти изменения Ставка охотно утвердила.

Затем я совершил поездку по войскам Дальневосточных фронтов.

Считаю необходимым отметить, что командование, штабы и политорганы этих фронтов также проделали большую работу по уточнению и конкретизации своих задач. Под руководством опытных командиров были проведены общевойсковые учения по тематике, близкой к боевым задачам, которые им предстояло решать. Огромную работу провели командования фронтов по улучшению материально-технического обеспечения операции.

При подготовке операции приходилось считаться и с тем, что после перегруппировки в состав Дальневосточных фронтов вошла значительная часть войск, дислоцировавшихся ранее на Дальнем Востоке и не имевших достаточного или вовсе боевого опыта, выполнявших до этого задачу охраны наших восточных границ. А войска, прибывшие с запада и обладавшие хорошим боевым опытом, не знали дальневосточного театра военных действий, характера и особенностей японской армии. Подготовить воинов к предстоящим боевым действиям, создать высокий порыв для разгрома дальневосточного агрессора нельзя было без всемерного усиления партийно-политической работы. Основными ее задачами в подготовительный период было воспитание советского патриотизма и пролетарского интернационализма, готовности отстаивать интересы Советской Родины на Дальнем Востоке, создание наступательного порыва, основанного на высоком воинском мастерстве и умении воевать в сложных условиях нового театра.

Морально-политическую подготовку войск к военным действиям военные советы, командиры и политорганы вели в тесной связи с партийными организациями Хабаровского и Приморского крайкомов ВКП(б), опираясь на всенародную помощь и поддержку советским войскам со стороны трудящихся

Урала, Сибири и Дальнего Востока. Советские люди бесперебойно обеспечивали воинов всем необходимым для предстоящих военных действий. Еще в январе 1945 года в Центральном Комитете партии были заслушаны доклады секретарей крайкомов Г. А. Боркова и Н. М. Пегова о состоянии дел в Хабаровском и Приморском краях в связи с подготовкой к войне. В постановлении, принятом по докладам, были намечены конкретные меры по переключению экономики [518] Дальнего Востока на обеспечение потребностей Дальневосточных фронтов.

В апреле — мае и июле 1945 года Государственный Комитет Обороны принял ряд постановлений о мероприятиях по улучшению работы железных дорог Дальнего Востока, увеличению в 1945 году на 20 процентов добычи нефти в объединении «Дальнефть», развитию средств проводной связи Москвы с Дальним Востоком и Забайкальем, развитию военно-морских баз и торговых портов во Владивостоке, бухте Находка и Николаевске-на-Амуре.

Партийные организации Восточной Сибири и Дальнего Востока, учитывая пограничное положение своих территорий, воспитывали коммунистов и всех трудящихся в духе высокой бдительности, готовности прийти на помощь советским войскам. Усилились связи местных партийных, советских и комсомольских организаций с политорганами, партийными и комсомольскими организациями армии и флота.

Морально-политическая подготовка личного состава фронтов и флота к войне против Японии проводилась в два этапа. На первом этапе, который начался в апреле 1945 года, главное внимание уделялось работе по разъяснению политического значения заявления Советского правительства от 5 апреля 1945 года о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, мобилизации личного состава на повышение бдительности и боеготовности частей. Главное политическое управление Красной Армии в своих указаниях поставило задачу усилить разъяснение воинам исторического значения нашей победы над германским фашизмом, источников силы и непобедимости Советского Союза, уверенности в победоносном завершении второй мировой войны, а также детального разъяснения тех конкретных задач, которые стояли перед частями и соединениями в боевой и политической подготовке.

В соответствии с новыми условиями военные советы фронтов и флота поставили задачи войскам, наметили меры по изменению содержания партийно-политической работы. Так, в директиве войскам Приморской группы от 16 мая 1945 года подробно излагались задачи и содержание партийно-политической работы в частях и соединениях на ближайший период. После денонсации пакта о нейтралитете между СССР и Японией, подчеркивалось в ней, необходимо быть особенно бдительными и настороженными, как никогда поддерживать высокую боеготовность наших войск, все усилия политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта Великой Отечественной войны. Военный

совет предложил повысить уровень идейно-политического воспитания личного состава, воспитывать воинов в духе любви к Советской Родине и [519] ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические подвиги советских воинов — участников Великой Отечественной войны Советского Союза, традиции воинов-дальневосточников — героев боев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Директива определяла формы политической учебы солдат, сержантов и офицеров в боевых условиях, меры по усилению роста партийных и комсомольских рядов и улучшению внутрипартийной и внутрисоюзной работы{123}.

Партийно-политическая работа по подготовке личного состава к войне проводилась с учетом конкретных условий, в которых находились различные части и соединения. Так, солдатам, сержантам и офицерам армий, перегруппируемых на Дальний Восток из Восточной Пруссии и района Праги, лишь в самых общих чертах было известно, что им, по-видимому, придется драться против войск японской Квантунской армии. Они не знали и не могли знать конкретных сроков начала кампании, точных пунктов выгрузки и направлений боевых действий. В этих условиях командирами и политорганами, партийными и комсомольскими организациями проводилась большая работа по сохранению государственной и военной тайны на всем пути следования в эшелонах. В памятках солдатам и сержантам, подготовленным политотделом 39-й армии, например, подчеркивалось, что «достаточно случайно оброненного слова, неосторожной фразы, излишней словоохотливости и желания похвастать боевыми подвигами в присутствии посторонних, чтобы военная тайна была раскрыта и стала достоянием вражеских лазутчиков»{124}.

После выгрузки и марша в районы сосредоточения и развертывания, когда части и соединения приступили к напряженной боевой учебе, партийно-политическая работа нацеливалась на быстрейшее овладение личным составом способами и приемами боевых действий на новом театре, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев. Большую помощь в этом командованию, политорганам и войскам, прибывшим с запада, оказали воины, длительное время служившие в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Так, командование и политотдел 53-й армии в этой работе умело использовали выступления офицеров 17-й армии, которая дислоцировалась до этого на территории Монгольской Народной Республики{125}.

В ходе напряженной боевой учебы основное внимание уделялось изучению опыта боев советских войск против немецко-фашистских захватчиков, которым располагали прибывшие с запада [520] соединения. По инициативе коммунистов командиры, штабы и политорганы создавали специальные группы по передаче воинам-дальневосточникам боевого опыта. Так, в 1-м Дальневосточном фронте из офицеров 5-й армии, прибывшей в июне 1945 года из Восточной Пруссии, по указанию военного совета фронта было создано три группы офицеров, по 12 человек в каждой. В состав таких групп вошли

общевоинские офицеры, танкисты, артиллеристы, саперы. Они проводили лекции, доклады и беседы по специальной тематике в войсках 1-й Краснознаменной, 25-й, 35-й армий{126}.

Характерной особенностью предстоящей войны против Японии было совместное выступление двух братских социалистических государств — Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Дружба двух народов, боевое содружество их армий складывались и укреплялись в совместной борьбе против общего врага — милитаристской Японии, не раз покушавшейся на территорию СССР и МНР.

После разгрома советско-монгольскими войсками японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол по просьбе правительства республики советские части и соединения были оставлены на территории МНР. На базе их в начале Великой Отечественной войны была сформирована 17-я армия, вошедшая в состав Забайкальского фронта. Между воинами этой армии и воинами Монгольской народно-революционной армии установились самые тесные дружественные отношения, шел активный обмен опытом боевой и политической подготовки и организации партийно-политической работы.

Командиры и политработники двух союзных армий совместно готовили личный состав к проведению предстоящих операций. На совместных учениях отрабатывались боевое взаимодействие войск, управление и связь, способы ведения боя в различных условиях и время суток. Большая работа проводилась по дальнейшему укреплению боевого содружества между ними на славных революционных и боевых традициях борьбы против общего врага. Регулярно устраивались встречи воинов братских армий — участников боев против банд барона Унгерна в 1921 году, на озере Хасан в 1938 году и в районе Халхин-Гол в 1939 году против японских войск. Широко практиковались взаимные посещения частей, совместные семинары и т. д.

Много и плодотворно трудился по укреплению боевого содружества между воинами двух братских армий Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал, который одновременно был начальником Политического управления МНРА. «В ходе подготовки и [521] проведения наступательной операции,— писал он впоследствии,— потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдат до генералов, царил волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи, что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач».

Сам я лично не был в МНР в период подготовки к военным действиям. Появляться там мне Ставка категорически запретила. С маршалом Чойбалсаном я встретился уже после окончания войны в Чанчуне.

В результате большой подготовительной работы и особенно с началом этапа непосредственной подготовки к боям и операциям за неделю до развертывания

боевых действий личный состав советских войск на Дальнем Востоке был полон стремления выступить против общего врага, уничтожить последний очаг второй мировой войны. Советские воины горели ненавистью к японским милитаристам.

Я регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям. Наша телефонная связь работала безотказно. 16 июля ко мне в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И. В. Сталин. Это было накануне открытия Потсдамской конференции трех великих держав. Он спросил, как идет подготовка к операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить. Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого для них не позволяют сделать этого, и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин накануне этой конференции ставил передо мной этот вопрос — он мне не сказал. Впоследствии нам стало известно, что о соответствии с американскими планами разгрома Японии, разработанными еще до созыва Потсдамской конференции и утвержденными президентом США 29 июня, высадка американских войск на остров Кюсю должна была произойти 1 ноября 1945 года, а высадка на остров Хонсю — не ранее 1 марта 1946 года.

Известно и то, что президент Трумэн 18 июня 1945 года на совещании военных руководителей США заявил, что «одна из целей, которую он ставит перед собой на предстоящей конференции, будет заключаться в том, чтобы добиться от Советского Союза максимальной помощи в войне против Японии». Известно было и другое: накануне Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполнявший обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн, отдал приказ командующему [522] стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политический нажим на советскую делегацию. Но он встретил с ее стороны спокойную уверенность и сдержанную твердость. 16 июля в момент разговора со мной Сталин, по-видимому, не мог знать о том, что за несколько часов до этого в Лос-Аламосе взорвалась испытываемая американцами атомная бомба. Надо полагать, интересуясь сроками начала операции, он руководствовался не этим фактом, а общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии.

7 августа поступила директива Ставки. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, гласила она, 9 августа начать боевые действия для

выполнения задач, поставленных директивами Ставки от 28 июня; боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа; наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов границу Маньчжурии перейти утром 9 августа; 2-му Дальневосточному фронту — по моему указанию. Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке минных заграждений, одиночное судоходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судоходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть, боевые действия флота начать с утра 9 августа{127}.

Накануне наступления я позвонил Верховному Главнокомандующему, чтобы доложить о готовности советских войск начать боевые действия. А. Н. Поскребышев ответил, что Сталин смотрит кинофильм, и попросил меня перезвонить попозже, что я и сделал. Хочу заметить в связи с этим, что И. В. Сталин любил кинокартины и смотрел их очень часто. Едва ли какая-либо из вновь появившихся на экранах значительных картин, не говоря уже о военных, проходила мимо его внимания. Он интересовался сценариями кинокартин по наиболее крупным проблемам истории войны. И. В. Сталин, насколько я знаю, также проявлял живой интерес к театру и нередко бывал на спектаклях, а иногда подсказывал для них и тематику, как это было с пьесой А. Корнейчука «Фронт» и с другими. Упомянутый спектакль он смотрел не один раз и мне советовал сходить на него. Но вернусь к теме. [523]

На прошедших 8 августа, после получения боевого приказа, митингах и собраниях воины клялись с честью выполнить стоящие перед ними задачи, чтобы в кратчайшие же сроки и полностью разгромить врага.

В обращении Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке к китайскому народу перед началом операции подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия — освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства»{128}.

8 августа 1945 года главнокомандование Народно-освободительной армии Китая направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину приветственную телеграмму, в которой говорилось: «От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчиков»{129}.

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях — летнего муссона, приносящего частые и сильные дожди,— двинулись на территорию противника. С рассветом главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов

перешли в наступление и пересекли государственную границу. В это время я находился в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта, который перед открытием военных действий перешел из-под Ворошиловска в тайгу, в специально построенные домики. А штаб Главного командования по-прежнему находился близ Читы.

В дальнейшем, в соответствии с планом, боевые действия развернулись и осуществлялись в следующем оперативном построении.

10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Во фронте Р. Я. Малиновского: Монгольская народно-революционная армия маршала Хорлогийна Чойбалсана наносила удар от Сайн-Шанда в пустыне Гоби по войскам князя Де Вана и Суйюаньской армейской группы в направлении Калгана (Чжанцзякоу); смешанная советско-монгольская конно-механизированная группа генерал-полковника И. А. Плиева — из Северной Гоби в направлении города Долоннор (Долунь); 17-я армия генерал-лейтенанта [524] А. И. Данилова — от Югодзирь-Хида на Чифын, с целью разгрома войск левого крыла 44-й японской армии. В результате успешного решения этого замысла Квантунская армия была изолирована от войск японского Северного фронта, действовавшего в районе Бэйпина (Пекина), и потеряла возможность получить помощь с юга. 53-я армия генерал-полковника И. М. Манагарова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко от Мамата наступали на Шэньян (Мукден), местопребывание штаба японского 3-го фронта, нанося удар по правому крылу 44-й армии. 39-я армия генерал-полковника И. И. Людникова из Тамцак-Булакского выступа, громя 30-ю и левое крыло 4-й отдельной японских армий, продвигалась вдоль железной дороги на Чанчунь (Синьцзян), где находился штаб Квантунской армии, а ей навстречу с востока выходила 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта. 36-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского из Даурии через Хайлар наносила удар на Цицикар по центру 4-й отдельной армии. С воздуха Забайкальский фронт поддерживала 12-я воздушная армия С. А. Худякова.

Войска Забайкальского фронта шли по труднопроходимой местности. Даже у самих китайцев и японцев не имелось сколько-нибудь приличных карт, и наша картографическая служба немало потрудились, чтобы обеспечить командиров необходимыми пособиями. Враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться.

На 2-м Дальневосточном фронте Пуркаева 6 небольших войсковых группировок прикрывали железную дорогу в Забайкалье от устья реки Шилки до устья Зеи; 2-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта танковых войск М. Ф. Терехина с Буреинского плато через Малый Хинган продвигалась с севера в направлении Цицикара; 15-я армия генерал-лейтенанта С. К. Мамонова из Биробиджана

вдоль течения Сунгари наступала на Харбин; 5-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора И. З. Пашкова от Бикина, параллельно войскам Мамонова, шел с боями на Боли; 16-я армия генерал-лейтенанта Л. Г. Черемисова наносила удар из Северного Сахалина по Южному; воинские части Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко овладевали (согласно моему приказу от 15 августа) Курильскими островами. С воздуха войска фронта поддерживала 10-я воздушная армия генерал-полковника авиации П. Ф. Жигарева.

Этот фронт теснейшим образом взаимодействовал с флотом и двумя флотилиями. Моряки и речники участвовали в высадке десантов [525] на Курилах и Южном Сахалине, в форсировании Амура и Уссури, в боевых действиях на реке Сунгари. Интересной страницей сражений на Сахалине является также выброска нашего парашютного десанта в Тайохара (Южно-Сахалинске), чего противник никак не ожидал. Не менее изумительной по скорости, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан.

На 1-м Дальневосточном фронте 35-я армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева от Губерова и Лесозаводска наносила удар на Линькоу; 1-я Краснознаменная армия генерал-полковника А. П. Белобородова от озера Ханка через Мулин и Муданьцзян (штаб 1-го фронта) наступала на Харбин, где соединялась с 15-й армией; 5-я армия генерал-полковника Н. И. Крылова прорывалась от Гродекова на Гири. 25-я армия генерал-полковника И. М. Чистякова продвигалась через Ванцин (штаб 3-й армии) с поворотом на Яньцзи к Корее и затем берегом Японского моря выходила к знаменитой 38-й параллели, ставшей позднее границей между КНДР и Южной Кореей, нанося удар по 17-му фронту. С воздуха войска фронта поддерживала 9-я воздушная армия генерал-полковника авиации И. М. Соколова. 10-й мехкорпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева вел бои в полосе 5-й армии.

С этим фронтом взаимодействовала основная часть сил Тихоокеанского флота, базировавшаяся во Владивостоке. Согласованные операции подвижных частей с суши и десантников с моря по овладению корейскими портами Юки, Расин, Селсин и Гензан были быстрыми и удачными. Отличились парашютисты, высадившиеся в Харбине, Гирине и Хамхынге — в далеком вражеском тылу: царившая в японских войсках растерянность, вызванная поражением Квантунской армии на фронте, облегчила парашютистам выполнение ответственных заданий.

Наше совместное с Монгольской народно-революционной армией наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу. В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза,— заявил 9 августа премьер-министр Судзуки,— ставит нас окончательно в безвыходное

положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»{130}. Таким образом, именно действия Советских Вооруженных Сил, по признанию японского руководства, а не атомная бомбардировка городов Японии американскими самолетами, произведенная [526] 6 и 9 августа, решили судьбу Японии и ускорили окончание второй мировой войны.

Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходимостью. Атомная бомба была для правящих кругов Соединенных Штатов не столько актом конца второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против СССР.

Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, напоминавшую «линию Маннергейма», только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120—150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

Столь высокие темпы наступления советских войск, действовавших на отдельных, разобщенных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно продуманной группировке войск, знанию природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении, широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исключительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной Армии и моряков.

Огромную помощь войскам Дальнего Востока на протяжении всей кампании оказывали пограничники. В первые же дни Маньчжурской операции они вместе с полевыми войсками атаковали и ликвидировали многочисленные пограничные опорные пункты врага и его укрепленные районы. В процессе дальнейших боев погранвойска принимали активное участие в преследовании противника, [527] охраняли коммуникации, штабы, важные объекты и тыловые районы полевых войск. В то же время сформированные в первые дни войны на

Дальнем Востоке из погранвойск специальные отряды прикрывали, вернее сказать, обороняли по заданию фронтового командования значительные участки фронта, позволяя тем самым высвободить полевые войска и использовать их на основных операционных направлениях. Неоценимую помощь оказали пограничники и в борьбе с диверсионными и разведывательными группами врага.

Насколько решительно, самоотверженно и умело действовали воины-пограничники на протяжении всей кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, приведу хотя бы такой пример. Только один Джалинский пограничный отряд под командованием Л. К. Попова уже в первом бою уничтожил 50 японцев, из них 13 офицеров, и 150 взял в плен. В последующем джалинцы ликвидировали пограничный полицейский отряд, 2 районных и 11 малых пограничных отрядов, 3 погранпост, 9 отдельных войсковых групп, 2 парохода. Перед фронтом наступления отряд полностью очистил от противника территорию в 427 км по фронту и 80—90 км в глубину, занял 24 населенных пункта, в том числе один город. При этом, пограничный отряд Попова захватил большие трофеи: вооружение, боеприпасы, боеприказы, 8 продовольственных и вещевых складов, 4 баржи с грузом и 1 пароход. Так же воевали с японскими милитаристами и другие пограничные отряды Забайкалья и Дальнего Востока под командованием замечательных генералов П. И. Зырянова, А. А. Никифорова, М. И. Шишкарёва и других.

Перед лицом неминуемого военного поражения 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим после разговора со мной на эту тему И. В. Сталина 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться. [528]

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»{131}.

В последующие дни советские войска, развивая наступление, стремительно наращивали его темпы. На 1000-километровом участке Забайкальского фронта: конно-механизированная группа Плиева выходила к Калгану и Чэндэ (Жэхэ); 17-я армия через Чифын рвалась к берегам Ляодунского залива; 6-я гвардейская танковая армия, испытывая большие трудности в связи с перебоями в снабжении, настойчиво решала основную задачу фронта по захвату Мукдена; 39-я армия, восстанавливая разрушенные врагом при отходе мосты и железнодорожные пути, продвигалась через Таоань на Чанчунь. Как раз в те дни в разрыв, образовавшийся между 17-й и 39-й армиями, решением командующего фронтом была введена из второго эшелона 53-я армия для наступления через Кайлу на Фусинь. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифын, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин наших Вооруженных Сил на площади примерно в 0,6 млн. кв. км.

Войска 1-го Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 35-я армия 16 августа вышла на железную дорогу Цзямусы — Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от муданьцзянской группировки. В это время 1-я Краснознаменная и 5-я армии вели ожесточенные бои за крупный узел железных и шоссейных дорог, важный административно-политический центр Муданьцзян. Яростно обороняясь, противник неоднократно переходил в контратаки, но 16 августа город пал. В этих боях Квантунская армия потеряла более 40 тыс. солдат и офицеров. 25-я армия совместно с 10-м механизированным корпусом в тот же день овладела городом Ванцин, прикрывавшим подступы к Гирину и северным районам Кореи. Одновременно ее войска совместно с морским десантом овладели крупной военно-морской базой Сейсин и вышли на коммуникации 3-й японской армии, отсекая войска 17-го фронта от 1-го фронта и от побережья Японского моря. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам 1-го фронта. Попытка противника любой ценой не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась. [529]

Успешно развивались военные действия по освобождению Кореи, являвшиеся частью кампании советских войск на Дальнем Востоке. Основную задачу решила 25-я армия при взаимодействии с Тихоокеанским флотом. 12 августа они овладели городами Северной Кореи Юки и Расин (Наджин). С выходом советских войск к Сейсину (Чхонджину) полностью нарушилась оборона Квантунской армии на приморском направлении. Были также осуществлены морские и воздушные десанты в ряде портов и городов Северной Кореи. В начале сентября советские войска вышли на линию 38-й параллели, установленную соглашением союзных держав.

Красная Армия пришла в Корею как освободительница, как друг и союзник корейского народа. И корейский народ по достоинству оценил жертвы, принесенные во имя его свободы и независимости. Свидетельством тому явились массовые демонстрации дружбы и искренней благодарности населения, проходившие в городах и селах, куда вступали части Красной Армии. Символами вечной признательности корейского народа своим освободителям стали монументы в честь советских воинов в Пхеньяне и других городах Кореи.

Нанеся сокрушительное поражение японским войскам в Корее, Красная Армия создала тем самым благоприятные возможности для деятельности революционных сил, боровшихся за национальное освобождение и социальный прогресс. В северной части страны трудящиеся под руководством коммунистов приступили к строительству первого в истории Кореи подлинно независимого, народно-демократического государства. Но южнее 38-й параллели, где по согласованию между союзниками высадились американские войска (в начале сентября 1945 года), у власти остались капиталисты и помещики, которые превратили Южную Корею в оплот антикоммунизма и реакции.

Освобождение Кореи Красной Армией, помощь ей со стороны Советского Союза, который сам еще не оправился тогда от последствий тяжелой войны, в создании нового государства, в развитии народного хозяйства и культуры — это воплощение на деле ленинских принципов пролетарского интернационализма.

Корейская Народная Демократическая Республика в наши дни — это развитая в экономическом отношении страна, успешно строящая социализм. Она пользуется большим международным авторитетом; всеобщее уважение снискала ее упорная борьба за мирное объединение родины на демократических началах. Советские люди от души радуются достижениям КНДР во всех областях экономики и культуры. Особенно приятно видеть это нам — ветеранам войны, видеть и знать, что кровь, пролитая советскими [530] воинами при освобождении Кореи, скрепила братскую дружбу народов Советского Союза и Кореи.

Войска 2-го Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским Главнокомандованием на Дальнем Востоке.

В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиограмма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно

прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам, а в 19 часов в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки. В связи с этим я вынужден был тогда же передать генералу Ямада следующую радиограмму:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно я приказал командующему 1-м Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямада, либо отказались выполнять его. 18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию [531] о готовности выполнить все условия капитуляции. 18 августа на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа я отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов:

«В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»{132}.

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных

объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, став на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником стал японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен советским военнослужащим{133}. [532]

18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г. А. Шелахова неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата. При переговорах с ним Шелахов предложил ему для согласования вопросов, связанных с капитуляцией всей Квантунской армии, в сопровождении лиц, выбранных по усмотрению японского командования, на нашем самолете отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом. Х. Хата принял это предложение, и 19 августа в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени там произошла встреча с ним и японским консулом в Харбине Миякава.

Мы предъявили требования о порядке капитуляции, указали сборные пункты приема военнопленных, маршруты движения и время. Х. Хата принял все условия. Невыполнение некоторыми японскими частями и подразделениями приказа о сдаче оружия он объяснил тем, что командование Квантунской армии не смогло вовремя довести приказ о капитуляции, так как на второй день наступления Красной Армии штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Далее мы предупредили Х. Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами и что в первые дни капитуляции забота о питании пленных ложится на японское руководство. Войска обязаны переходить к нам с кухнями и запасами продовольствия, японские генералы — являться со своими адъютантами и необходимыми личными вещами. Было также заявлено, что мы гарантируем гуманное отношение не только к высшим чинам, но и ко всем военнопленным.

Характерно, что Х. Хата просил разрешить до прихода частей Красной Армии в отдельных районах Маньчжурии и Кореи оставить у японских солдат оружие, поскольку, как объяснил он, «население там ненадежное». Мы ответили, что советское командование обеспечит полный порядок на территории, занятой

Красной Армией, и не допустит никаких незаконных эксцессов. Затем мы распорядились о предстоящих встречах советских . офицеров с японским командованием, о том, какие самолеты при этом надлежит использовать, и уточнили, кто из штаба Квантунской армии куда будет направлен. Х. Хата попросил оставить в распоряжении японского командования необходимый транспорт и средства связи, чтобы быстрее передать войскам указание советского командования. Просьба была удовлетворена. После уточнения деталей капитуляции Квантунской армии он и сопровождавшие его лица получили разрешение отбыть на нашем самолете в сопровождении советских офицеров в свой штаб. [533]

В течение всех переговоров Х. Хата и большинство его спутников выглядели довольно уныло. От «самурайской» самоуверенности не осталось и следа. Вчерашние надменные распорядители Маньчжурии держались покорно, даже униженно, при каждой нашей фразе поспешно кивали головами. Видно, они были и психологически надломлены.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Подошла пора подвести итоги кампании. В связи с этим хочу рассказать об одном курьезном случае, причем я отнюдь не имею целью этим бросить какую-то тень на «виновника» этого курьеза. Он хорошо воевал и неизменно соблюдал субординацию в служебных отношениях.

Завершив военные действия, мы прежде всего занялись организационными вопросами, а дел по налаживанию нормальной жизни на освобожденных территориях было много. И как-то так получилось, что с подготовкой итогового доклада ЦК партии и Ставке о прошедших военных действиях, к тому же все детали их им уже известны были и с отчетом о них нас не торопили, мы несколько задержались.

И вот при одном из телефонных переговоров И. В. Сталин спрашивает меня:

— Товарищ Василевский, кто у нас командует войсками Дальнего Востока?

Я не знал, что отвечать, и несколько замедлил с ответом. Он продолжал:

— Командующий Первым Дальневосточным фронтом Мерецков прислал в Ставку отчет о военных действиях. Вы знаете об этом?

— Нет.

Я хорошо знал К. А. Мерецкова и не придавал его докладу Ставке какого-либо значения. По когда он прибыл ко мне в штаб в Хабаровск, я по его виду понял, что он переживает по поводу своей поспешности с докладом.

Военная кампания Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Ее итоги трудно переоценить. Официально кампания длилась 24 дня. Были наголову разбиты ударные силы врага. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и [534] оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом.

Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий и предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В результате разгрома Японии создались благоприятные условия для победы народных революций в Китае, Северной Корее и во Вьетнаме. Мао Цзэ-дун, когда-то считавшийся с исторической правдой, писал в августе 1945 года: «Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неопределимо». Народно-освободительная армия получила огромные запасы трофейного оружия. Только два наших фронта захватили у бывшей Квантунской армии и передали представителям НОА 3,7 тыс. орудий, минометов, гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1,2 тыс. пулеметов, почти 680 различных воинских складов, а также корабли Сунгарийской военной речной флотилии. Позднее была передана значительная часть советского оружия. Советское командование позаботилось, чтобы все оружие было в порядке и пригодно для боевого применения. Помню, мне докладывали, что представители Китайской народно-освободительной армии высказывали чувства признательности и благодарности Советскому Союзу, его Вооруженным Силам, создавшим важные предпосылки для победы китайской революции. Трофейное и наше, отечественное, оружие и боевая техника помогли перевооружить Народно-освободительную армию и технически оснастить ее новые части и соединения, ставшие потом костяком и ударной силой революционного Китая. Не подлежит сомнению, что без решающей помощи Советского Союза китайский народ не смог бы так быстро сбросить ярмо японских милитаристов и добиться освобождения своей страны.

С разрешения Ставки я совершил поездку по освобожденной Маньчжурии. Прибывший из Москвы А. И. Микоян присоединился ко мне, и мы побывали в ряде городов, ознакомились с состоянием оружия и складского хозяйства Квантунской армии. Судя по тому, что боевая техника, боеприпасы, обмундирование и продовольствие хранились в больших размерах и в хорошем состоянии, Япония намеревалась долго пребывать на китайской земле.

Разгром японского милитаризма способствовал мощному подъему национально-освободительного движения во всей Азии. 17 августа была провозглашена независимая Индонезийская республика. [535] 2 сентября, когда японский министр иностранных дел Сигемицу и начальник генштаба Умедзу подписывали акт о безоговорочной капитуляции, президент Хо Ши Мин провозгласил Демократическую Республику Вьетнам. 12 октября лаосские патриоты провозгласили Патет-Лао (свободную Страну Лао).

Победа, одержанная нашими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке, явилась ярким свидетельством могущества социалистического общественного и государственного строя, великой организующей роли Коммунистической партии, новым торжеством советского военного искусства. Родина достойно оценила подвиг своих сынов. 87 воинов стали Героями или дважды Героями Советского Союза. Свыше 300 тыс. человек получили ордена и медали. Многие соединения и части удостоились почетных наименований Курильских, Сахалинских, Уссурийских, Харбинских, Амурских, Хинганских, Мукденских, Порт-Артурских и др. Всем участникам войны с Японией была вручена медаль «За победу над Японией».

И вот окончилась вторая мировая война. Более четырех огненных лет шли советские люди к этому моменту, неся при этом на себе самое тяжелое ее бремя. Для военного человека, который являлся непосредственным участником вооруженной борьбы, наступление мира было по-особому приятно. Да, наши воины проделали колоссальную работу, объем и содержание которой вряд ли можно будет с чем-либо сравнить. Но окончание войны сразу же поставило перед партией и правительством новые задачи, и главные из них — это восстановление страны и перевод ее и Вооруженных Сил на условия мирной жизни. К решению этих задач партия и правительство приступили немедленно. Что касается Вооруженных Сил, то сразу же после окончания войны на Дальнем Востоке — 4 сентября 1945 года — Указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднен Государственный Комитет Оборона. Прекратила свою деятельность и Ставка Верховного Главнокомандования. Непосредственное руководство Вооруженными Силами было возложено на Наркомат Вооруженных Сил, в который вошел и Военно-Морской Флот. Наркомат вскоре вместе с другими наркоматами Союза был переименован в министерство.

Нужно было по окончании войны срочно провести демобилизацию первой очереди, затем немедля — второй очереди, спланировать все вопросы, касающиеся распределения, дислокации и расквартирования войск, как остающихся за рубежом, так и возвращающихся на родную землю, обеспечить в связи с этим передвижение войск и воинов, увольняемых из армии, а самое главное — определить численность Вооруженных Сил, потребную стране в условиях мирного времени, выработать и придать им [536] организацию, наиболее отвечающую этим условиям и сохраняющую их боеспособность, и устроить их.

Находясь со своим штабом после разгрома Квантунской армии в Хабаровске, я в конце сентября 1945 года получил указание Сталина не позднее 29 сентября быть в Москве. Дальнейшее руководство войсками на Дальнем Востоке и начавшимся за несколько дней до этого частичным выводом советских войск из Маньчжурии, а затем и главных сил, который должен был последовать во второй половине октября, мне было приказано возложить на маршала Малиновского.

29 сентября я прибыл в Москву и вечером был принят И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете в присутствии большинства членов Политбюро. Из военных присутствовал при этом прибывший со мною в Кремль А. И. Антонов. И. В. Сталин и члены Политбюро задали мне ряд вопросов, относящихся к нашей Дальневосточной кампании, к характеристике боеспособности японских войск и оценке японского командования, а также об отношениях к нам китайского населения и о положении в Китае в целом.

Затем И. В. Сталин, говоря о переходе страны и ее Вооруженных Сил к мирным условиям, подчеркнул, что выработка более приемлемых и правильных направлений дальнейшего строительства, организации и развития Вооруженных Сил, расстановка руководящих кадров являются для ЦК партии и правительства одной из важнейших задач. Поинтересовался при этом И. В. Сталин и моим настроением, планами на дальнейшее. Я ответил, что готов работать там, где укажет партия. Сталин порекомендовал мне прежде всего как следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев, а по возвращении будет решен вопрос о моей работе. После этого он поздравил меня с наступающим 50-летием и тепло распрощался со мной.

На следующий день рано утром я взял «Правду» и с большим волнением и глубочайшей благодарностью прочитал на первой странице газеты приветствие в мой адрес ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров и Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем награждении четвертым орденом Ленина.

Через несколько дней я уехал на Кавказ.

В марте 1946 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о расстановке в Вооруженных Силах руководящих кадров, я был вновь назначен начальником Генерального штаба, а Алексей Иннокентьевич Антонов, с его согласия, стал моим первым заместителем. С этого момента началась для меня новая полоса службы в дорогах мне Вооруженных Силах. [537]

Послесловие

В заключение книги мне хотелось бы поделиться мыслями о руководящих советских военачальниках, о специфике и стиле полководческого труда. Думаю, что это оправдано всем ее содержанием. В предшествующих главах я немало говорил о военачальниках фронтового и армейского уровня, их руководстве

войсками, но я писал о них больше в связи с проведением тех или иных операций, в которых участвовал вместе с ними, о деятельности Ставки и Генерального штаба. Однако ряд общих вопросов, касающихся советских полководцев, остались неосвещенными, но они, на мой взгляд, представляют определенный интерес.

Прежде всего несколько слов о самом понятии «полководец». Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие «полководец» связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна. Верно и то, что к категории полководцев следует относить тех военачальников, которые наиболее ярко проявили на полях сражений свое военное искусство и талант, мужество и волю к победе.

Существует точка зрения, что полководец — это не должность и не чин. Я не сторонник столь категорического обособления этих понятий, хотя несомненно и то, что военачальник удостоивается звания полководца не по служебному приказу или какому-либо постановлению. Звание полководца имеет специфику, но неоправданно отделять его от должности военачальника. Если военачальник не командует крупными оперативными формированиями, он не может рассчитывать на признание как советский полководец. Звание полководца — это своего рода общенациональное признание военных заслуг военачальника, его умения руководить войсками в битвах и сражениях, его выдающихся побед на войне. Тот, кто не исполнял командную должность крупного масштаба, тот не имеет никаких перспектив на честь называться полководцем. В годы войны такие командующие, как Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, уже считались полководцами, находясь при определенных должностях. Для них и должность и звание полководца представляли одно признание их высоких заслуг перед Родиной, Вооруженными Силами.

Но всему есть логическое развитие. Военачальник, удостоенный признания как полководец, допустим в должности командующего фронтом или армии, будет признаваться общественным мнением как полководец и тогда, когда кончится война и когда он будет даже на заслуженном отдыхе. Раз военачальник снискал [538] признание за военное искусство, за боевые заслуги в руководстве войсками крупных масштабов, звание полководца ему будет сопутствовать всю жизнь. Но оно будет являться уже производным от его служебной деятельности в прошлом, его высокого авторитета как опытного командующего войсками фронта, армии в годы войны. Но и в этом случае, когда звание полководца приобретает своего рода относительную самостоятельность, оно лишь будет отражать прошлые должностные успехи военачальника.

К числу советских полководцев, видимо, справедливо будет отнести прежде всего командующих фронтами и армиями. На их плечи ложилась наибольшая ответственность за успехи войск. Только они, опираясь на военные советы и штабы, умело используя хорошо вооруженные и оснащенные войска, могли успешно решать задачи Ставки Верховного Главнокомандования при

проведении стратегических операций. Сомнение в том, следует ли относить к полководцам даже самых талантливых командармов, на мой взгляд, неосновательно. Современная армия представляет крупное и основное общевойсковое или иное объединение во фронте при осуществлении планов стратегических операций. Роль командующих армиями, будь то общевойсковая, танковая или воздушная, велика, и талантливые командармы — а у нас в Вооруженных Силах почти все командующие армиями, особенно к концу Великой Отечественной войны, были таковыми, — безусловно, являлись опытнейшими полководцами.

Может, только следует подчеркнуть, что полководцами могут быть признаны те командующие фронтами и армиями, которые руководили войсками фронта, армии более или менее длительное время и отличились в ходе войны.

Огромная заслуга Коммунистической партии состоит в том, что она сумела в ходе войны выдвинуть и воспитать кадры советских военачальников, которым оказалось по плечу руководство войсками фронтов и армий. В книге я приводил слова И. В. Сталина о том, что «у нас нет в резерве Гинденбургов», то есть полководцев. Эти слова были сказаны в полемике весной 1942 года, когда наши войска потерпели неудачу на юге. И. В. Сталин считал, что у нас есть свои отличные полководцы, и гордился ими. Несомненно и то, что наши командующие решали задачи, куда сложнее и труднее и с большим блеском, чем это делал упомянутый немецкий генерал в первую мировую войну.

Конечно, не сразу и не везде появилось достаточное число одаренных и опытных военачальников. В первый год войны мы постоянно испытывали нехватку в генералах на руководящие должности, особенно на должности командующих фронтами и армиями. Они часто менялись, порой даже не успев показать, на что [539] способны. Но уже тогда у нас было немало хорошо подготовленных полководцев, таких, как Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, Н. Ф. Ватутин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, М. В. Захаров и многие другие.

Думаю, что неправомерно противопоставлять молодые кадры старым. Точка зрения, будто вооруженную борьбу выиграли главным образом молодые кадры, не выдерживает критики. Руководящие должности в Вооруженных Силах, в том числе командующих фронтами и армиями, занимали в большинстве случаев военачальники с опытом гражданской войны. И если кто-то оказался не у дел, то возраст здесь ни при чем. Я уже отмечал, что Маршал Советского Союза Г. И. Кулик не смог ни командовать армией, ни выполнять обязанности представителя Ставки. И определялось это не возрастом, а недостаточной подготовкой, личными качествами. Он просто оказался не на месте.

Я писал, что командующий Южным фронтом Д. Т. Козлов во многом виноват, что операция по освобождению Крыма в 1942 году провалилась, за что он был отстранен от работы. Но Д. Т. Козлов — честный и преданный Родине генерал. Он не справился с возложенными на него обязанностями командующего

фронтом лишь потому, что эта должность оказалась ему не под силу. Когда же Д. Т. Козлов был назначен заместителем командующего фронтом, он работал успешно. Подобные факты случались и при назначении на должности командующих армиями. Война — самая суровая проверка умения управлять войсками. Вполне естественно, что не каждый военачальник, назначенный командующим фронтом или армией, с честью выдержал это испытание и стал достоин признания как полководец.

Решающим мерилom успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, являлось искусство выполнять задачи стратегических фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения. Наши командующие фронтами и армиями в целом с этим успешно справлялись. Об этом говорят все наши наступательные операции, особенно начиная со Сталинградской битвы. Каждую из них можно считать не только свидетельством мужества и несгибаемой воли командно-политического состава, но и блестящим образцом организации и обеспечения этих кампаний, наиболее выгодного сочетания всех привлекаемых к ним родов войск, искусного управления ими в ходе кампаний, немедленного и правильного реагирования на все сложнейшие изменения в боевой и оперативной обстановке. В результате этих операций мы били врага и били, как правило, по-суворовски — не числом, а умением. [540]

Наши командующие фронтами и армиями располагали знаниями и опытом, они были талантливыми военачальниками, умеющими правильно оценивать оперативно-стратегическую обстановку, принимать более удачное и неожиданное для врага решение по ней, совместно со своим штабом разработать наиболее простой, но не шаблонный и выгодный для войск план проведения операции, быстро и тщательно подготовить войска для выполнения принятого решения. И еще они имели твердый и решительный характер.

У меня самые хорошие воспоминания о работе командующих фронтами и армиями. Конечно, они не были одинаковыми; в стиле полководческой деятельности каждого из них было что-то свое, обусловленное предшествующим опытом военной службы, характером. Различными были и отношения командующих со штабами, роль которых в руководстве войсками очень и очень велика. Полководческий стиль К. А. Мерецкова, которого Сталин шутливо называл «мудрым Ярославцем», на мой взгляд, отличали обстоятельность и предусмотрительность в хорошем понимании этих слов. Кирилл Афанасьевич предпочитал свои решения по фронту предварительно согласовывать с Генеральным штабом, обязательно выяснял мнение «высшей инстанции» по той или иной разрабатываемой проблеме.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны являлся Г. К. Жуков.

Всем сердцем приняв Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Г. К. Жуков в августе 1918 года вступил добровольцем в Красную Армию. В

качестве рядового, помощника командира взвода, командира взвода и командира эскадрона участвовал в подавлении контрреволюционных банд на Урале, в боях против белогвардейских войск Деникина и Врангеля. В марте 1918 года был принят в партию большевиков.

По завершении гражданской войны Георгий Константинович учился на кавалерийских курсах, а затем командовал эскадроном, кавалерийским полком, кавалерийской бригадой. В феврале 1931 года был назначен на должность помощника инспектора кавалерии, которую в РККА возглавлял С. М. Буденный. Тогда же коммунисты всех инспекций и штаба, в котором я в ту пору работал, Управления боевой подготовки Наркомата по военным и морским делам избрали его секретарем партийного бюро.

Военный талант Г. К. Жукова все отчетливее проявлялся из года в год. Помню единодушно высокие отзывы товарищей о его способностях, когда он командовал кавалерийской дивизией, кавалерийским корпусом, был заместителем командующего войсками [541] Белорусского военного округа. Блестяще справился он с обязанностями командующего советскими войсками, которые, выполняя интернациональный долг, вместе с братской армией Монгольской Народной Республики наголову разбили вторгшихся в районе реки Халхин-Гол японских милитаристов. За успешное руководство разгромом японского агрессора Г. К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза, а впоследствии и звания Героя Монгольской Народной Республики.

Незадолго до Великой Отечественной войны Г. К. Жуков командовал войсками Киевского особого военного округа, а накануне войны, как известно, был назначен начальником Генерального штаба. Будучи членом Ставки Верховного Главнокомандования, а с августа 1942 года заместителем Верховного Главнокомандующего, он внес большой вклад в разработку и осуществление операций по разгрому вражеских войск. Сила полководческого искусства и воля Г. К. Жукова особенно ярко нашли свое проявление в гигантских сражениях 1943—1945 годов.

Мне посчастливилось вместе с Георгием Константиновичем провести немало времени в размышлениях о мероприятиях по организации отпора врагу, выполнять важные поручения Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования, помогать фронтовому командованию успешно решать боевые задачи. Я всегда восхищался его неукротимой энергией, широтой и глубиной стратегического мышления. Характерной чертой было его постоянное стремление научить командующих и войска искусству побеждать врага с наименьшими потерями и в короткие сроки. Нельзя не сказать при этом о его блестящем организаторском таланте. Приняв решение, он мобилизовывал все силы для его практического осуществления.

Жуков не выглядел полководцем, стоящим над солдатской массой. При подготовке операций он держал теснейший контакт не только с командирами объединений и соединений, но и с офицерами частей и подразделений, особенно

действовавших на главном направлении. И это давало ему возможность глубоко знать настроения подчиненных, управлять их действиями, направлять усилия воинов к победе.

При жизни, как известно, Георгий Константинович был увенчан высшими знаками отличия. Но лучшей наградой для него было то, что советские люди искренне уважали его как военачальника, столь много сделавшего для разгрома фашизма в годы второй мировой войны. Георгий Константинович Жуков был маршалом, четырежды Героем Советского Союза, но все же высшим для себя званием он считал звание коммуниста, члена ленинской партии, в которой состоял 55 лет. [542]

Закончить воспоминания о своем друге я хотел бы его собственными словами. Они взяты из книги «Воспоминания и размышления», над которой Г. К. Жуков работал до последних дней своей жизни: «Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, самое главное. Моя судьба лишь маленький пример в общей судьбе советского народа». Человеку, который чувствует вот такую слитность личной доли и личного дела с долей и делом народа, можно только позавидовать. Жизнь и деятельность такого человека достойны подражания.

О Борисе Михайловиче Шапошникове я уже довольно подробно высказал свое мнение в этой книге как об опытейшем полководце. К великому сожалению, серьезнейшая болезнь вырвала его из наших рядов 26 марта 1945 года, то есть за сорок четыре дня до нашей великой победы, ради которой он отдал все, что мог. Крайне болезненно восприняли Вооруженные Силы весть о его смерти, и особенно мы, его близкие ученики.

Пожалуй, близкий к Жуковскому по настойчивости и силе воли был характер у другого выдающегося полководца Великой Отечественной войны — Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Сын бедного крестьянина Вологодской губернии, рядовой солдат первой мировой войны, он юношей вступил в партию большевиков и после победы Великого Октября стал активным защитником Советской власти. В двадцать лет он — военный комиссар Никольского уезда, руководитель сформированного им отряда, подавлявшего контрреволюционное восстание в своих родных местах. С этим же отрядом он выступил на фронт гражданской войны. Вскоре И. С. Конев назначили комиссаром бронепоезда, оперировавшего в Забайкалье. Затем он комиссар бригады, дивизии, корпуса.

После гражданской войны И. С. Конев, пройдя обучение на курсах высшего командного состава и в Военной академии имени М. В. Фрунзе, командовал полком, дивизией, корпусом, армией и войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов.

Великую Отечественную войну Иван Степанович начал в должности командующего армией. Вступив в командование Калининским фронтом в

тяжелые дни обороны Москвы, он на протяжении всех последующих лет войны возглавлял фронты. Сражения под Москвой, на Курской дуге, форсирование Днепра и жаркие бои за расширение плацдармов на его противоположном берегу, наступление на Правобережной Украине и в западных ее областях, операции гигантского масштаба в Польше, на берлинском направлении, в Чехословакии — таковы этапы боевого пути замечательного полководца, дважды Героя Советского Союза [543] Ивана Степановича Конева. Зная его по работе на фронте, должен прежде всего сказать, что он любил много бывать в войсках. Обычно, как только примет решение на проведение операции, тотчас же отправляется в армии, корпуса и дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовит войска к боевым действиям. Все остальные дела по плану операции выполнял у него, как правило, его штаб.

Незабываемый К. К. Рокоссовский был щедро одарен полководческим талантом. Его также отличало особое умение прочно опираться на штаб при решении оперативных вопросов и в управлении войсками. С начальником же штаба генералом М. С. Малининым у Константина Константиновича были самые теплые отношения. Когда в конце войны К. К. Рокоссовскому пришлось отбыть на другой фронт, они расставались, по словам М. С. Малинина, со слезами на глазах. Это была деловая и хорошая дружба.

Безусловно, талантливый полководцем был и Р. Я. Малиновский. Он рос в Одессе. Отсюда 16-летним пареньком бежал от тяжелой работы на местного помещика и в 1914 году начал свой жизненный путь в окопах первой мировой войны. Здесь он убедился, что заклятым врагом трудового люда является не только германский кайзер и германский империализм, но и прогнивший российский царизм. По возвращении в 1919 году из Франции, где Р. Я. Малиновский находился в составе русских экспедиционных войск, он, не раздумывая, добровольно вступил в ряды Красной Армии и отважно сражался с белогвардейцами.

В 1927 году командир батальона Р. Я. Малиновский поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, которую окончил по первому разряду. Полученные знания пригодились в первой же схватке с фашизмом, когда Родион Яковлевич под именем «полковника Малино» сражался в рядах добровольцев, защищая республиканскую Испанию. За самоотверженное выполнение интернационального долга он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны старший преподаватель академии имени М. В. Фрунзе генерал-майор Р. Я. Малиновский был назначен командиром 48-го стрелкового корпуса, принявшего на себя первые удары немецко-фашистских войск на пограничной реке Прут. Уже тогда отлично проявились высокие организаторские способности комкора, его большое мужество и умение не терять управление войсками в обстановке, какой бы сложной она ни была.

В 1942 году Родион Яковлевич занимал ряд ответственных командных должностей, в том числе командующего 2-й гвардейской армией, которая совместно с другими войсками Сталинградского [544] фронта нанесла сокрушительный удар по группировке Манштейна, пытавшегося разорвать извне кольцо, замкнувшее под Сталинградом 330 тысяч отборных немецко-фашистских войск. Группировка Манштейна была разбита наголову. В начале февраля 1943 года Р. Я. Малиновский был назначен командующим Южным фронтом. С этого времени и до конца войны он возглавлял войска ряда фронтов — Юго-Западного, 2-го и 3-го Украинских, Забайкальского. Его полководческий почерк зримо проступал в операциях по освобождению Ростова-на-Дону, Донбасса, юга Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии, а также в разгроме японской Квантунской армии в Маньчжурии. Все эти операции, безусловно, несли на себе отпечаток подлинного творческого вдохновения, необычайной настойчивости в их осуществлении, составили яркие страницы истории военного искусства.

Требовательным и настойчивым был Л. Л. Говоров. Внешне он казался сухим и даже угрюмым, но на самом деле был добрейшим человеком. Он никогда ни на кого не повысил голоса, и если был чем-то недоволен, то либо смолчит, либо пробурчит что-то про себя. Организованности Леонида Александровича можно было позавидовать. Ни один офицер управления фронта не сидел у него без дела. Он отлично знал работу штаба, но не брал на себя функции, которые надлежало выполнять начальнику штаба. Много положительного было в работе и В. Д. Соколовского, особенно это касалось разработки планов операций. Он успешно справлялся с обязанностями как начальника штаба фронта, так и командующего войсками фронта. Однако наиболее ярко он проявил себя на штабной работе — в качестве начальника штаба фронта, а после войны — начальника Генерального штаба.

Несомненно, одаренным полководцем является И. Х. Баграмян. Он обладает и командным и штабным опытом, что помогало ему успешно решать как вопросы руководства войсками, так и разработки планов операций, при этом он старался изыскать кратчайшие пути к победе. Характер у Ивана Христофоровича также твердый, непреклонный.

Кое-кто стремится отождествить твердость характера полководца с грубостью. Проявление фактов грубости со стороны отдельных военачальников иногда встречалось, но, думается, нельзя путать эти два понятия. Я не считаю грубость признаком характера полководца, тем более элементом руководства войсками. Все дело, на мой взгляд, в умении военачальника управлять собой.

Как-то я прибыл с фронта в Ставку. Дела на фронте шли хорошо. Верховный Главнокомандующий был доволен представителями Ставки. Помню, обращаясь ко мне, он сказал: [545]

— Товарищ Василевский, вы вот такой массой войск руководите и у вас это неплохо получается, а сами, наверно, и мухи никогда не обидели.

Это была шутка. Но, скажу откровенно, что не всегда легко было оставаться спокойным и не позволить себе повысить голоса. Но... сожмешь, бывало, до боли кулаки и смолчишь, удержишься от ругани и окрика. Умение вести себя в отношении подчиненных с достоинством — неперенное качество советского военачальника.

Подходя к каждому военачальнику со знанием его индивидуальных качеств, Ставка Верховного Главнокомандования осуществляла руководство командованием фронтами, вооруженной борьбой в целом не шаблонно, а применяя в каждом отдельном случае наиболее целесообразные формы и методы.

Не лишним будет вновь подчеркнуть, что Ставка Верховного Главнокомандования не только помогала фронтам, но зачастую и учила их искусству побеждать. Подтверждением этому могут служить приведенные мною в ряде глав книги архивные документы. Позволю себе привести здесь еще один документ, свидетельствующий об этом. Он был направлен в адрес командующих фронтами в период подготовки Сталинградского контрнаступления. В нем говорилось:

«При проведении наступательных операций командующие фронтами и армий иногда смотрят на установленные для них разграничительные линии как на забор и как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя бы этого требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операции обстановка.

В результате наши армии при наступлении идут вперед прямо перед собой, в пределах своих разграничительных линий, не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг друга и тем облегчают маневр противнику и предоставляют ему возможности бить нас по частям.

Ставка разъясняет, что разграничительные линии определяют лишь ответственность командиров за определенный участок или полосу местности, в которых выполняется ими полученная боевая задача, но их нельзя рассматривать как неизменные и непреходимые перегородки для армий. В ходе операций обстановка часто меняется. Командующий обязан быстро и правильно реагировать на это изменение, обязан маневрировать своим соединением, или армией, не считаясь с установленными для него разграничительными линиями.

Ставка Верховного Главного командования, разъясняя это, разрешает и предоставляет право командующим фронтами менять в ходе операций разграничительные линии между армиями фронта, менять направление удара отдельных армий в зависимости от обстановки с тем, чтобы впоследствии сообщить об этом Ставке.

Командующим фронтами немедленно разъяснить эти указания всем командующим армиями.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский» {134}. [546]

Ставка неукоснительно требовала от командующих фронтами подчинять интересы своего фронта общей стратегии вооруженной борьбы. И если командующий фронтом, выполняя директивы Ставки, вносил новые предложения, но не выходящие за рамки общего стратегического замысла, то Ставка не только охотно принимала их, но и всячески поощряла таких командующих.

В Ставке определялись первоочередность задач и замысел операции, кампании. Практическая же разработка операций, все расчеты, связанные с этим, осуществлялись в Генеральном штабе. Он вел непрерывный сбор сведений о складывающейся обстановке на всем театре войны. Работники Генерального штаба изо дня в день держали связь с фронтами, обрабатывали поступающую от них информацию, а также все сообщения разведывательных органов. Важнейшие сведения и общие выводы докладывались Верховному Главнокомандующему, и только после этого принимались решения. Важность подобной работы Генштаба очевидна. В войне без знания обстановки на фронтах на каждый день невозможно успешно руководить боевыми действиями.

Деятельность Генерального штаба находила понимание и поддержку со стороны командующих фронтами. Положительно отзывался о ней Г. К. Жуков. Должен с удовлетворением отметить, пишет он, что наш Генеральный штаб «был на большой высоте в искусстве планирования крупных стратегических и наступательных операций и кампаний».

Мне же особенно хочется отметить работу моих основных и непосредственных помощников — А. И. Антонова, С. М. Штеменко, А. А. Грызлова, Н. А. Ломова. Подлинными мастерами и прекрасными организаторами штабной работы показали себя и другие товарищи.

В успешной деятельности командования фронтов и армий, в решении задач вооруженной борьбы исключительно важную роль играла партийно-политическая работа. Такая ее роль обуславливалась социальной природой Советских Вооруженных Сил и политическим характером Великой Отечественной войны как справедливой, освободительной войны в защиту социалистического Отечества. Партийно-политическая работа обеспечивала высокие боевые и морально-психологические качества как каждого в отдельности воина, так и частей, соединений, войск армий, фронтов. Наши полководцы знали это и постоянно опирались на политорганы, партийные и комсомольские организации и сами умели идейно влиять на массы воинов. Они не мыслили проводить операции без партийно-политического обеспечения. Они

требовали, чтобы воины знали задачи борьбы и были готовы отдать ей все свои [547] духовные и физические силы. Командующие фронтами и армиями, хотя и не в одинаковой мере, держали связь с политорганами, политработниками, и чем прочнее была эта связь, тем лучше шли боевые дела, да и сама партийно-политическая работа.

Я лично могу сказать только добрые слова о нашей славной когорте политработников. От их плодотворной деятельности во многом зависели моральное состояние, боеготовность и боеспособность наших войск. Политработников касалось буквально все. За все они отвечали, все должны были знать. Правильно ли усвоили бойцы свои боевые задачи, в каком состоянии их оружие и боевая техника, как они накормлены, обуты, одеты и как будут обеспечиваться в ходе боя, выпались ли они, читали ли последние газеты,— да разве перечислишь все, о чем обязан был позаботиться политработник, готовя войска к бою! А в бой он шел вместе с бойцами, ведя за собой коммунистов и показывая личный пример. И если наши войска на протяжении всей войны, даже в самые тяжелые для них моменты, не теряли веры в победу и сохраняли высокие морально-боевые качества, то в этом была большая заслуга и политработников.

И мне при выполнении заданий Ставки во многом помогали политработники — члены военных советов и начальники политуправлений фронтов и политотделов армий. Тесный контакт я неизменно поддерживал с командирами и политработниками почти на всех командных инстанциях сверху донизу. Все они хорошо знали проблемы управления войсками, их материального обеспечения и, конечно, политической и морально-психологической подготовки воинов. Среди них можно назвать В. Н. Богаткина, Л. И. Брежнева, С. Ф. Галаджева, П. И. Горохова, К. А. Гурова, А. А. Епишева, А. С. Желтова, К. В. Крайнюкова, Д. С. Леонова, М. М. Пронина, Н. К. Смирнова, Н. Е. Субботина, И. З. Сусайкова, М. А. Суслова, А. Н. Тевченкова, К. Ф. Телегина, И. В. Шикина, Т. Ф. Штыкова и других.

Мне пришлось несколько раз не соглашаться с И. В. Сталиным, когда при вызове в Ставку командующих не приглашались вместе с ними члены военных советов, наравне с командующими отвечавшие за выполнение решений Ставки. Обычно Сталин говорил в таких случаях, что их не следует отрывать от руководства повседневной партийно-политической работой. За время своей длительной работы на фронтах я непосредственно убедился, какую огромную помощь командующему они оказывали при принятии оперативных решений, при разработке планов и проведении их в жизнь. Участие членов военных советов наряду с командующими фронтов в разработке Ставкой той или иной операции всегда приносило очень большую пользу. [548] Несколько слов об оперативно-стратегическом руководстве вооруженной борьбой в годы войны. В борьбу с Германией мы вступили, имея за плечами опыт гражданской войны и развития военного дела в годы мирного социалистического строительства. Это была солидная школа управления войсками. Но уже первые дни войны

показали, что для разгрома врага ее недостаточно. Нужно было решительно перестраиваться, научиться сначала обороняться, а потом вести мощные наступательные действия. Период оборонительных боев был наиболее трудным. Управление войсками осуществлялось под сильным воздействием противника. Естественно, что не все получалось так, как хотелось бы, допускались просчеты. Установка на то, чтобы вести не просто оборонительные действия, а активную оборону, повысила требования к командующим фронтами и армиями.

Коммунистическая партия заботливо направляла усилия наших военачальников на то, чтобы они овладели искусством активной обороны. Уже Смоленское сражение показало возросший уровень руководства войсками. Наши войска стали ожесточеннее бороться за стратегическую инициативу, стремились сбить наступательный пыл врага, заставить самого его обороняться. Постепенно улучшилась и подготовка оборонительных позиций, занимаемых нашими частями и соединениями. Стали более умело проводить и инженерное оборудование, организацию противотанковой и противовоздушной обороны, эффективнее использовать танки и артиллерию для контратак.

По плечу командующим фронтами и армиями оказалось проведение высшей формы активной обороны — контрударов. В первый период войны их было организовано свыше тридцати. В ходе контрударов противник нес существенные потери, утрачивал ритм в наступательных действиях. Контрудары, осуществленные 1-й ударной и 20-й армиями севернее Москвы, а также действия усиленного кавалерийского корпуса в районе Каширы позволили советским войскам перейти в контрнаступление под Москвой. В активной обороне ярко проявилось полководческое дарование Г. К. Жукова. Успешно руководил войсками командующий Калининским фронтом И. С. Конев. С самой лучшей стороны проявили себя многие командующие армиями.

Сталинградская битва, закончившаяся нашей блистательной победой, продемонстрировала зрелость и силу оперативно-стратегического руководства советскими войсками. Стратегической инициативе противника был нанесен смертельный удар. Настало долгожданное время наступления советских войск. Командующие фронтами и армиями взялись за овладение искусством наступательных операций. Пришлось перестраиваться как в образе мышления, [549] так и в стиле руководства войсками. Нужно было научиться работать более оперативно, привыкнуть к подвижному характеру боевых действий, улучшить работу штабов, служб и особенно тыла. Не всем это удавалось. Помню, как трудно осваивал наступательные действия командующий Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петров. Он умело руководил оборонительными действиями Приморской армии под Севастополем, показал знание оперативного искусства и личное мужество. Но, встав во главе наступающего фронта, он подрастерялся, и мы почувствовали перебои в действиях войск, и кое-кто уже внес предложение об его освобождении. Но Верховный Главнокомандующий ответил:

— Петрова нужно не освобождать от работы, а научить вести наступление. Учтите, что он ни разу в жизни не наступал.

Прошло какое-то время, и И. Е. Петров стал неплохо проводить наступательные операции.

Готовить и проводить наступательные операции было отрандно. У командующих фронтами и армиями появилось больше смекалки, инициативы. Каждая из проведенных ими операций отличалась не только оригинальностью замысла, но и методом ее осуществления. Наши командующие умели определить направление главного удара, могли хорошо осуществлять массирование сил и средств на решающих направлениях, организовывать взаимодействие войск, проводить скрытно, в тайне от противника, подготовку операций. Они научились мастерски ставить задачи войскам и проводить необходимое оперативное их построение.

Советские войска хорошо освоили и самую решительную форму наступления — окружение с целью уничтожения крупных группировок противника. Такие операции, как Сталинградская, Курская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская, Будапештская, Берлинская, Пражская и другие, вошли золотой страницей в летопись советского военного искусства.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне показала, что военная организация социалистического государства, как и весь социалистический строй, оказалась совершеннее, могущественнее военной организации фашистского государства. Победа над гитлеровской армией знаменовала собой превосходство советской науки, военного искусства над буржуазной военной наукой и военным искусством. Советская стратегия была реалистической, основывалась на глубоком и правильном понимании политической обстановки и общих условий ведения вооруженной борьбы.

Характерна в этом отношении оценка советского военного руководства, которую дал Франц Гальдер, бывший с сентября 1938 [550] по сентябрь 1942 года начальником генерального штаба германских сухопутных войск и считавшийся одним из крупнейших немецких специалистов: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению. Это постепенное изменение немецкой стратегии, в ходе которого отдельные способные военачальники в 1943 году и далее в 1944 году успешно провели ряд частных наступательных операций, не может быть рассмотрено детально. Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное

русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть».

Опыт оперативно-стратегического руководства войсками в годы войны во многом стал достоянием истории. Вооруженные Силы сейчас развиваются в условиях мощного научно-технического прогресса. Но это, полагаю, все же не должно служить поводом для принижения роли полководцев в руководстве военными действиями, в подготовке и проведении операций, о чем иногда прямо или косвенно приходится слышать. Научно-техническая революция внесла много нового в военное дело, в формы и методы руководства войсками. Но говорить, что полководца на поле сражений вытеснил инженер с вычислительной машиной, на мой взгляд, неправомерно. Понятие «полководец» является не просто красивым званием для военачальника или данью прошлому. Оно отражает специфику ведения вооруженной борьбы, показывает, что в ее ходе и исходе играют большую роль одаренные и волевые военачальники.

Значение электронной техники и в военном деле огромно. Сейчас военачальник как никогда подготовлен в научном отношении и умеет пользоваться ею в своей работе. Но вряд ли можно ставить вопрос о полном моделировании боевых действий. Вооруженная борьба — это такая форма отношений, где участвуют две враждебные стороны и где характер усилий противника может быть постоянно меняющейся величиной со многими неизвестными. При этом что ни военачальник — особые данные знаний, опыта, характера. И в ходе военных действий они могут также изменяться. Этим, конечно, я не отрицаю ни возможности вычислительной техники, ни ее роли в вооруженной борьбе. [551]

Завершая свою книгу, я хочу отдать должное главному герою Великой Отечественной войны — советскому рядовому бойцу и партизану, младшему, среднему и старшему командному и политическому составу наших славных Вооруженных Сил. Это они, воспитанные и взращенные нашей мудрой Коммунистической партией, ведомые ею, сумели отстоять честь и свободу Родины, изгнать с ее земли фашистских захватчиков, помогли освободиться от них народам Европы. Я восхищаюсь стойкостью и мужеством советских воинов, отвагой и героизмом, проявленными ими на полях сражений, их дисциплинированностью, умением переносить любые трудности, их неисчерпаемой верой в победу.

Своей исторической победой советские люди обязаны Коммунистической партии. Она мудро вела народ и его армию сквозь все испытания и трудности войны к полному разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии. Она сумела подчинить все материальные и духовные силы страны интересам вооруженной борьбы, обеспечить единство политической и военной стратегии, единство политического и военного руководства в войне. Партия выковала несокрушимую монолитность и величайшую моральную стойкость народа, создавшего невиданный экономический и военный потенциалы страны, что позволило нам с таким блеском решить все задачи войны, с честью отстоять

завоевания Великого Октября, свою социалистическую Отчизну. Руководство Коммунистической партии — один из решающих, источников нашей победы в Великой Отечественной войне.

Я счастлив, что являюсь свидетелем нового гигантского скачка в развитии военного дела, наших Вооруженных Сил. Да, выросли они, во многом стали выше, замечен прогресс и в подходе к вопросу управления. «И сегодня наши Вооруженные Силы,— говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— надежный щит социалистической Родины, гарантия мирного труда народа, строящего коммунизм. Советский народ высоко ценит и любит свою армию, понимая, что, пока существуют на земле силы агрессии, без хорошо оснащенной армии не обойтись».

Коммунистическая партия делает все необходимое, чтобы наши Вооруженные Силы всегда и непременно были на уровне задач защиты социалистической Родины.

Хотелось бы от всей души пожелать личному составу наших героических Вооруженных Сил, с которыми так тесно было связано дело всей моей жизни, весь мой труд, всегда быть верными фронтовым традициям героев Великой Отечественной войны, настойчиво совершенствовать боевую выучку, повышать политическую сознательность, как зеницу ока, беречь самое дорогое, что у нас есть, — нашу славную социалистическую Родину.

Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org

Издание: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1978.

Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vasilevsky/index.html>

Книга одним файлом: <http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/vasilevsky.rar>

Иллюстрации: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vasilevsky/ill.html>

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Василевский А. М. Дело всей жизни. Издание третье. М., Политиздат, 1978. 552 с.; ил., карты. Тираж 200

Аннотация издательства: Эта книга — воспоминании прославленного военачальника Маршала Советского Союза Василевского А. М. Вся его сознательная жизнь отдана служению Советской Армии, Родине. Большая часть книги посвящена Великой Отечественной войне, работе Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, решающей роли Коммунистической партии в завоевании победы. А. М. Василевский рассказывает и о людях, которые учили его, воспитывали в нем воина, командира,— М. В. Фрунзе, И. П.

Уборевиче, Б. М. Шапошникове, М. Н. Тухачевском, В. К. Триандафиллове, К. Е. Ворошилове и других выдающихся военных деятелях. Настоящее издание книги подготовлено при жизни автора. А. М. Василевский внес в него некоторые уточнения.

Ноахер: К сожалению, в очередной раз произошла накладка. Через несколько дней после того, как А. Мятишкин прислал мне текст книги маршала Василевского, эту же книгу прислал мне и Сергей Бабаин. Он сделал её параллельно и независимо от Андрея Мятишкина. Хотя информация о том, что А. Мятишкин работает над книгой Василевского "Дело всей жизни" давно была размещена на странице "В работе" (militera.lib.ru/workon.html). Я ещё раз прошу, настоятельно, от всей души: прежде, чем браться за сканирование какой-либо книги, посмотрите, не делает ли уже её другой человек. Напишите мне, что собираетесь сканировать ту или иную книгу и я размещу информацию об этом. Жаль зря потраченного времени.

Содержание

[К читателю](#)

[Юные годы](#)

[Новый этап жизни](#)

[Крещение огнем](#)

[Первые шаги в борьбе за Советы](#)

[Против интервентов](#)

[Полковой опыт](#)

[На пути к реконструкции](#)

[Там, где бьется пульс армии](#)

[Перед "Большой войной"](#)

[Последние мирные месяцы](#)

[Война началась](#)

[Враг под Москвой](#)

[Оборона Ленинграда](#)

[Весна и лето 1942-го](#)

[Между Доном и Волгой](#)

Победа в битве на Волге

На Верхнем Дону

На Курской дуге

Освобождение Донбасса

В борьбе за Днепр

На Правобережье Днепра

Разгром крымской группировки врага

Перед Белорусской операцией

За землю Белорусскую

Борьба за Прибалтику

Весной 45-го в Восточной Пруссии

В Генеральном штабе

На Дальнем Востоке

Послесловие

Примечания

Список иллюстраций